

Виктор Минаков

СЕКРЕТ НЕВЕЗУЧЕСТИ

Рассказы и фельетоны

Виктор Минаков

**Секрет невезучести.
Рассказы и фельетоны**

«Издательские решения»

Минаков В.

Секрет невезучести. Рассказы и фельетоны / В. Минаков —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-502254-7

«Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья
несчастлива по-своему». Лев Николаевич Толстой, роман «Анна Каренина»

ISBN 978-5-00-502254-7

© Минаков В.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Биография суеверия	8
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Секрет невезучести Рассказы и фельетоны

Виктор Минаков

© Виктор Минаков, 2019

ISBN 978-5-0050-2254-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Маститые мудрецы изрекают: язык – это зеркало, в котором отражается мир. Реальный, окружающий человека и очень изменчивый мир.

И это действительно так. Еще вчера оно отражало планомерное широкое шествие к утопической цели: к всенародному счастью и благоденствию, а уже сегодня отражает другое: и безыдейное брожение в умах, и анархию в производстве, и лихие закордонные новшества.

А здесь всякого дерьма по лопате: и ненасытная алчность чиновников, и безудержная гонка за выгодой циничных дельцов, и гнетущая безысходность, апатия лиц, вытесняемых такими ребятами на обочину жизни. Соответственно в этом удивительном зеркале запестрели слова: фарт, удача, везение или наоборот – невезение. Кого-то называют счастливыми, а тех, кого преследует неудача, – невезучими. С сочувствием или с насмешкой. Слова эти звучат то и дело, но в них часто вкладывают не адекватное содержание.

Автору настоящего сборника довелось стать однажды свидетелем жаркого спора на тему о счастье. Это случилось в небольшом привокзальном кафе, куда зашел он случайно, перекусить. За соседним столом трое немолодых мужиков возбужденно говорили о каком-то их общем знакомом.

– Да он – натуральный счастливчик! – громыхал густым басом один, кряжистый, конопатый и рыжий. – Живет припеваючи! У него денег, как блох на бродячей собаке!

Получалось, что понятие «счастье» этот громкоголосый мужчина определяет наличием денег. И только.

Ему возражали, также напористо:

– Какой он счастливчик?! Нахапал кучу бабла и теперь трясется над ними от страха. Боится и бандюков, и полиции.

А здесь выходило – обсуждаемый гражданин отнюдь не счастливчик. Какое может быть счастье, если в страхе живешь!

– Ничего! – гнул рыжеволосый свое. – Он может ото всех откупиться, и ни в чем себе не отказывать.

Спор был страстным и шумным, но истина в нем не рождалась.

Понятие «счастье» в толковом словаре русского языка трактуется так «Состояние высшей удовлетворённости жизнью, чувство глубокого довольства и радости, испытываемое кем-либо; внешнее проявление этого чувства»

Значит, счастливчиком считается может лишь тот, который полностью доволен жизнью, у которого все желания удовлетворены, и он, как говорится, поживает на лаврах. Но есть ли такие, кому ничего больше не надо? Вряд ли: нет предела желаниям, тоже сказал какой-то мудрец. И вот здесь налицо разномыслие.

Многие, так же, как и тот горластый мужик, искренне полагают что счастье заключается в деньгах. И человека, имеющего много денежных средств, с завистью они называют счастливчиком.

А вот его мнение не всегда совпадает с мнением окружения. И иногда по самым неожиданным признакам. Он, например, имеет неодолимое желание петь, но не имеет музыкального слуха. Может ли он считаться счастливым?

С позиции обывателя – да. Если все, кроме музыкального слуха у человека имеется, он кажется обывателю безусловно счастливым.

А вот с позиции его самого – нет. Что для него деньги, если их много? Он их уже и ценить перестал. А желание прослыть певуном выступает на первое место. Если учесть это обстоятельство, то можно понять, что счастливым он себя не считает.

Также нельзя причислить его к счастливым и с позиции оппонентов конопатого спорщика – трясется от страха, и с позиции толкового словаря: не полностью его удовлетворенность жизнью, нет чувства глубокого довольства и радости.

Спор мужичков в привокзальном кафе побудил автора сборника задуматься над причинами их разногласий в оценке обсуждаемого человека: счастливчик он или нет. Убеждает, конечно, пример, но как ни старался он напроць свою память, как ни копался в своих многочисленных записях, обнаружить кого-либо, отвечающего всем критериям понятия «счастлив», так и не удалось.

Так кем же считать того богача, если он не подпадает под понятие «счастлив»? Кто он тогда? Несчастлив? Несчастный? Вряд ли. Разве можно несчастным считать его лишь потому, что он страдает из-за отсутствия музыкального слуха? Конечно же нет. Его и несчастным не назовешь. А вот невезучим – пожалуй. Невезучий, по словарю, – тот, кому в чем-то не повезло.

И таких невезучих на памяти автора оказалось немало. Кому-то также не повезло с наличием музыкальных способностей, кому-то с другими желаниями: выбором профессии, с начальством... Да мало ли с чем.

Часть своих наблюдений за такими, очень и не очень, ущербными современниками он выложил в сборник рассказов. Выводов он не делает, полагает, что здравый читатель способен сам сформулировать ответ на вопрос: кто из них кто?..

Биография суеверия

Лето 1989 года не выходило за рамки обычных погодных условий для этого периода года: в меру солнечно и тепло, в меру пасмурно и дождливо. Таким же оставался и август, когда Владимир Степанович Ухов возвращался домой. Это был худощавый мужчина лет, по его виду, под шестьдесят, среднего роста, с понурым лицом, длинной морщинистой шеей и матовой лысиной на макушке.

Возвращался он поездом, который совсем не любил: время здесь тянулось медленно и тоскливо, казалось, что оно проходит без всякого смысла, и просто крадется из человеческой жизни. Но самолет ему не нравился еще больше, он его откровенно боялся, тошнить его начало уже перед трапом, и весь перелет он только и думал о катастрофах.

Чтобы как-то скоротать тягучее время, Владимир Степанович подолгу стоял в коридоре напротив купе и отрешенно смотрел за окно. Плывшие перед глазами картины лишь изредка выводили его из состояния погруженности в себя. Когда ноги у него уставали, он шел в купе, забирался на верхнюю полку, ложился на спину и устремлял свой взор в потолок. Под монотонный шум поезда и пустопорожние разговоры случайных попутчиков, с которыми он так и не познакомился, Ухов раздумывал о своем.

С отпуском ему явно не повезло – это была исходная мысль в его размышлениях. Он вспоминал, как в один день получил путевку в Ялтинский санаторий и письмо от матери из дальнего сибирского городка.

В Ялте было солнечно и тепло, а на севере, где жила его мать, всюду гуляла дождливая осень.

Мать писала, что сильно болеет и просит сына приехать, повидаться, возможно, в последний разок. Владимир Степанович, уже оформивший отпуск, вернул путевку и поехал на север. Это было четырнадцать дней назад. Сейчас он возвращался домой и нещадно бичевал себя за такой опрометчивый выбор.

Зачем он поехал?!.. Мать его жила не одна – в семье младшего сына, родного брата Владимира Степановича. Живут они хорошо, в достатке, ни в чем, по их же словам, они не нуждаются. Здоровье у матери было в норме, в соответствии с ее возрастом. На этом фоне жалобное письмо, взывавшее к его сыновним чувствам, Ухов теперь рассматривал как каприз. «Стоило тащиться поперек всей страны только за тем, чтобы посмотреть друг другу в глаза да пару часов повздыхать и поохать!.. Со стороны, конечно, все кажется умилительно: мать позвала, и сын немедленно помчался. Идиллия, да и только! А если взглянуть без эмоций?!.. Сам почти что старик, нервы расшатаны, самому надо упорно лечиться, а я почти дармовую путевку в солнечный санаторий выбросил, словно мусор! Кто-то сейчас нежится там, на песочке у моря, а я, старый сентиментальный дурак, трясусь в этой душной коробке и восхищаюсь: ах, какой я хороший, ах, какой я заботливый сын! Тьфу! Прости меня, Господи...»

Чашу с веществом под названием самоедство Владимир Степанович вычерпал всю без остатка и продолжал вылизывать ее до тех пор, пока на доньшке не увидел слова: того, что прошло, ты уже не воротишь, думай о предстоящем. И он наконец-то смирился. «А в общем-то и у нас сейчас превосходное время, – с усилием направил он свои мысли по другому пути. – Тот же купальный сезон, можно и у нас, если с умом, полноценно устроить свой отдых».

Под дробный перестук вагонных колес, отмерявших бесконечные километры, он начал перебирать различные варианты заполнения остающихся дней своего отпуска. «Лучше, конечно, уехать сразу в деревню, – склонялся он к такому решению. – Побывать там у шурина, порыбачить... В городе отдохнуть не удастся: встретишь случайно кого-нибудь из сослуживцев и придется идти на работу, хотя бы за тем, чтобы просто там показаться. Иначе, начнут

перемалывать косточки: вот он, дескать, какой: даже не зайдет, не узнает, как идут дела в коллективе, не то, что Юрий Борисович – тот с курортов звонит по три раза в неделю».

Ухов заведовал отделом труда в областном управлении местным хозяйством. Там было все годами отлажено, все устоялось, и жизнь текла бы размеренно и спокойно, если бы не сплетни – бич коллектива управленческих интеллигентов. Сплетни и доносы друга на друга находили питательную среду в характере и поведении Юрия Борисовича Клюева, начальника управления, человека высокомерного и, по мнению Ухова, наделенного нездоровой, неполноценной психикой. «Таким людям нельзя власть доверять, – частенько думал Владимир Степанович. – Как рога бодливой корове».

Но Клюев власть имел и пользовался ей почище, чем лесной разбойник дубинкой. С этим фактом приходилось считаться и всегда держать себя осмотрительно, настороже. «Нет, в городе как надо не отдохнешь, – сокрушался Владимир Степанович то у окна, то на полке, – Надо будет сразу уехать».

Брат его жены, Николай, жил в старинном рыбацком поселке, в двух часах езды на автобусе. Уховы нередко проводили там выходные и всегда оставались довольны.

Выйдя на перрон, Владимир Степанович облегченно вздохнул полной грудью: нудное путешествие наконец-то закончилось. Он поставил у ног свои вещи: небольшой чемодан и портфель и с удовольствием осмотрелся. День был теплый, солнечный, тихий. Небо – высокое и пустынное, без намеков на облачность, только стайка разных цветов голубей, резвившихся невдалеке над домами, несколько оживляла этот застывший серо-голубой купол. На перронных часах было четверть двенадцатого.

Ухова не встречали. Он не терпел вокзальные сцены с их поцелуями и объятиями, а в этот раз он даже не сообщил жене о приезде – не знал точное время: у него было две пересадки на проходящие поезда.

Толпа пассажиров быстро редела. Владимир Степанович постоял еще пару минут, взял в руки багаж и тоже направился к выходу.

Его квартира находилась неподалеку, в доме, фасад которого смотрел на привокзальную площадь, выйти к нему можно было прямо с перрона, но Ухов предпочел другой путь, подлиннее, через вокзал. Он захотел в буфете или в ларьке купить бутылку вина, чтобы отметить конец своего неинтересного путешествия и начало настоящего отдыха.

Шагая к дверям вокзала, он мысленно отмечал не ухоженность и неказистый вид места, который считается лицом и воротами города. Повсюду валялись обрывки газет, пустые пачки от сигарет, окурки, обгоревшие спички... С переполненной мусором урны к ногам Ухова спрыгнула грязная кошка черного цвета, на ее спине он заметил крупный лишай.

– Брысь! – крикнул с омерзением Владимир Степанович и топнул ногой.

Кошка взглянула на него желтым сверкающим взглядом, угрожающе зашипела и бросилась наперерез. У края перрона она остановилась, опять повернула голову в сторону Ухова, фыркнула злобно и спрыгнула под вагон.

Ухов не верил в приметы и не стал выполнять никаких рекомендованных для таких случаев действий: не стал сплевывать через плечо или складывать пальцы в кукиш, он безбоязненно пошел себе дальше. Встреча с этим черным и грязным полудиким животным вызвала у него только неприятное чувство, но оно скоро прошло.

Здание вокзала имело два этажа. Верхний этаж, где размещался зал ожидания и небольшие киоски, находился на одной отметке с перроном, нижний – на уровне привокзальной площади.

Зал ожидания Ухов пересек скорым шагом: здесь по таборному расположились большие группы кавказцев, крикливое поведение которых он плохо переносил. Спустившись вниз, он пошел медленнее, направился было к буфету, но, вздрогнув, остановился.

Неподалеку, у справочного бюро, он увидел то, чего хотел бы видеть сейчас меньше всего, чего опасался во время своих размышлений на тряской поездной полке. Возле бюро стояла Ерохина, работник банно-прачечного отдела их управления, которую Владимир Степанович считал первой сплетницей в городе. «Вот она – черная кошка! – возникла в голове у него первая суеверная мысль.

Ерохина была увлечена разговором с незнакомым Ухову гражданином, и еще оставалась надежда, что она его не заметит. Он съезжился и воровато, бочком, стал двигаться к двери, ведущей на улицу.

– Придется завтра сходить на работу, – сказал Владимир Степанович супруге после того, как улеглась суета, вызванная его неожиданным появлением.

– Зачем?!.. У тебя же больше недели в запасе!.. Да ты и не отдохнул по нормальному... А как ты там появился, считай, что твой отпуск закончился...

– Придется, – повторил Ухов со вздохом. – Понимаешь, встретил на вокзале одну из наших бабенок, чтоб ей... Сплетница первой руки! Всем уже, поди, разнесла, как сорока, что я в городе. До Клюева дойдет – будет потом утыкать то и дело: «Не болеешь за коллектив, высиживаешь в отпуске до последней минуты!» Чем старше он становится, тем поганей! Он как-то заявил: задача хорошего руководителя – не давать подчиненным спокойной жизни!.. Совсем из ума выживает!

– Когда же он, наконец-то, уgomонится? Он же – пенсионер?..

– По возрасту – да, но он до сих пор даже не оформляется. Он и не думает уходить, говорит – умру на работе!.. Похороните меня, говорит, а над могилой парок будет виться, как над вулканом, вот, дескать, сколько еще энергии... Сколько работаю с ним, а никак не пойму: или он рисуется трудоголиком, или на самом деле такой... Здесь бы до пенсии как-нибудь проскрипеть, последние недели считаешь, часа лишнего не задержусь!.. Потому-то и надо идти – нельзя давать ему повод для издевательств... Побуду часок, поразведу обстановку и сразу домой... Может, к брату твоему съездим потом... Как они там?..

– Звонил он два раза, спрашивал, когда ты сможешь приехать...

Утром после завтрака Ухов отправился в управление. Уже спустившись на два этажа, он вспомнил, что позабыл про очки. Одна пара очков у него всегда была на работе, но перед отпуском все свои вещи он переправил домой. «Надо вернуться, – забеспокоился Владимир Степанович. – Там обязательно придется просматривать документы, а как без очков?»

– Пути не будет, – не преминула заметить жена, отыскав очки на журнальном столике.

– Что ж, не идти теперь из-за этого? – спросил ее Ухов с досадой. – Язык у вас, женщин, интересно подвешен: если есть возможность сказать неприятное, обязательно скажут!

– Да я так, ничего, – смутилась супруга. – Все так считают... Пустое, конечно...

Выходя из подъезда, Владимир Степанович получил еще один повод подтвердить свое невысокое мнение о женской тактичности. Ему навстречу попала соседка, ходившая выбрасывать мусор.

– Ох, неудобно-то как, Владимир Степанович! – запричитала она тонким голосом. – С пустым ведром вас встречаю! Примета больно плохая... Ну, ладно, ладно, вы не печальтесь – я не глазливая. Дай-то бог вам всего, дай-то вам бог!..

Ухов поздоровался с женщиной суховато, вышел на улицу и постарался выкинуть из головы эти малозначащие, по его убеждению, слова из области мистики.

День был хорошим, торопиться ему было не надо, и Ухов решил прогуляться по городу. Он не спеша пересек старинный тенистый парк, отмечая признаки близкой осени, долго стоял на мосту через городскую речушку и смотрел на усидчивых рыбаков, потом пошел на центральную улицу. Движение транспорта было на этой улице запрещено, и люди толпами бродили

по всей ее площади. Постепенно он дошагал и до улицы, где находилось управление местным хозяйством. Моцион его оказался приятным. «Вот тебе и „дороги не будет“, вот тебе и „ведра пустые“, – хмыкнул он, вспомнив про утренние прогнозы. – Бабские бредни!..»

Сначала Ухов наметил зайти в мастерскую: он вчера обнаружил, что у ванны подтекает смеситель, и хотел получить у слесарей нужную консультацию или помощь. Мастерская находилась во дворе, примыкавшем к зданию управления, там же размещались гаражи для служебных автомашин. Двор был большой, всегда чистый, покрытый асфальтом. Ближе к дверям управления в нем красовалась цветочная клумба, с ней рядом – беседка, где любили отдыхать управленцы в свободное время.

Сейчас двор был пустым, и только повернув к мастерской, Ухов увидел здесь своего сослуживца, Ивина, работавшего главным экономистом. Они, несмотря на разность характеров, находились в приятельских отношениях и вместе иногда посещали популярную финскую баню.

Ивин, всегда жизнерадостный и общительный, сейчас почему-то выглядел опечаленным. Сдержанно поздоровавшись, он прошел было мимо, но Ухов придержал его за рукав.

– Минутку, Семен Иванович, куда так спешим?!.. Приехал, понимаешь ли, только вчера от матери, почти с того конца света, еще отпуска половина осталась, а, представь себе, не могу! Душа болит о работе. Решил побывать вот, узнать о делах... Как здесь у нас?..

– Да так, – ответил Ивин неопределенно. – По-разному... У кого как...

– Ну, а все-таки?.. Я в поезде слышал краешком уха, что Бабайцева опять передвинули?..

Бабайцев – популярная личность в городе, что-то вроде деревенского дурачка. Сам по себе он – человек неплохой: безобидный, старательный, но абсолютно негодный для роли руководителя. Его, по мнению многих, потолок – бригадир маляров-штукатуров, к примеру, в крайнем случае – мастер. Однако тесть Бабайцева, городской прокурор, этого или не понимал, или не хотел с этим мириться и делал титанические усилия, чтобы вырастить из туповатого зятя хоть какого номенклатурного кадра. Пока такие попытки не удавались: после трех-пяти месяцев паузы требовалось новое перемещение. С Бабайцевым мучились и начальники, и его безвинные подчиненные, да и он сам был не в восторге от амбиций своего тестя. Над прокурором, за глаза, потешались, зятя его, скорее, жалели.

Когда Ухов уезжал к матери, Бабайцева запихнули в кресло заместителя начальника торгового управления. Разговор о нем Владимир Степанович начал не потому, что был охотником до городских пересудов, он просто хотел растормошить Ивина, узнать, почему тот так изменился, и какие дела происходят в их собственном управлении. Вопрос о судьбе прокурорского зятя он использовал как проверенный способ втянуть в разговор даже малоактивного собеседника.

Но Ивин на эту хитрость отреагировал вяло:

– Да там же он, твой Бабайцев, чего ему сделается... В том же управлении торговли. Только отделы его кураторства поменяли. Сейчас он там кем-то, как главный завхоз.

– Вот даже как?!.. Ну, а у нас какая погода?..

Ивин передернул плечами и промолчал.

Из дверей гаража вышел Сашка, персональный шофер начальника управления. В руках у него было пластмассовое ведро и мокрая тряпка. С натянутой, будто застывшей улыбкой и замороженным взглядом, Сашка прошел мимо и не поздоровался. Ухову поведение всегда приветливого человека показалось странным, и он озадаченно уставился на спину удалявшегося шофера. И тут же он заметил, что их с Ивиным тоже разглядывают: почти в каждом окне управления виднелись две-три головы, преимущественно, женские.

– Чего они на нас так таращатся, как на диковину? – спросил недоуменно Владимир Степанович.

– Узнаешь, – усмехнулся Ивин невесело. – Ну, мне действительно некогда, извини.

Он приподнял в прощальном приветствии руку, повернулся и быстро пошел к воротам.

– Как дела здесь, Санек? – Ухов теперь обратился к шоферу, идущему обратно с ведром, полным воды.

– Нормально, – ответил тот чуть небрежно, потом, помедлив, добавил. – Зря вы с ним так миндальничали: шеф его выгоняет с позором.

– Да что ты?! – ахнул Владимир Степанович. – За что?!..

Рот его приоткрылся, сердце вдруг нервно заколотилось, стало трудно дышать. Он машинально двинулся вслед за шофером, а когда они оказались внутри гаража, повторил свой вопрос:

– За что?.. Что здесь такого случилось?!..

– Кляuzu кто-то подбросил в газету, – ответил шофер. – Шеф вычислил, что это он, Ивин. Его Ерохина видела возле редакции.

«Опять эта Ерохина!», – констатировал Ухов со все нарастающей тревогой. Он почувствовал, что может стать невольно участником какой-то непонятной и опасной интриги. Услужливое воображение немедленно выдало крайне нежелательный вариант ее развития: Клюев узнает о его приятельских отношениях с Ивиным (а они налицо) и автоматически распространяет свою неприязнь на него, Ухова, со всеми вытекающими из этой неприязни последствиями. Последствия могут быть жесткими, даже не исключено увольнение. «И это перед самым уходом на пенсию! – запаниковал Владимир Степанович. – Какая напасть на мою голову!.. Ивин – враг Юрия Борисовича, а я, выходит, с ним заодно!» В памяти всплыл афоризм, часто употребляемый Клюевым: «Тот, кто дружен с врагом, сам есть враг!»

Быть причисленным к явным недругам Клюева Ухов категорически не хотел, об этом он не мог даже думать. «А все выглядит именно так!.. Надо выбираться из этой пакостной ситуации!»

Многолетний опыт чиновничьей службы подсказал Владимиру Степановичу спасительный путь. «Надо, – соображал он, – немедленно и демонстративно отмежеваться от Ивина! Чтобы все увидели и поняли это!»

– Да что же он так?! – почти с искренним возмущением воскликнул Владимир Степанович. – Вот ведь какой негодяй!.. А я-то, я-то! Действительно! Могут подумать, что и я заодно!.. Но я же, Саша, не знал ничего! Я абсолютно не в курсе, могу поклясться тебе!.. Я только вчера с поезда, и ни с кем еще не встречался. Правда, встретил Ерохину на вокзале, но издали, ни словом не обмолвился с ней... Надо же так!.. И он как назло мне первый попался, будто наколдовал кто!

Торопясь озвучить эти слова, Ухов вдруг вспомнил и злобный взгляд черной кошки, перебежавшей ему на вокзале дорогу, и тревожные возгласы женщин – жены и соседки. «Неужели действительно есть какая-то связь?!.. Наверно, все-таки есть: ведь это – вековые приметы! Чем-то же они обоснованы!» И он начал почти содрогаться от страха перед вполне реальными неприятностями. «Что будет, что будет, когда Клюев узнает, как я любезничал с этим доносчиком! – об Ивине он стал уже думать с оттенком презрения и неприязни. – А ему доложат именно так – любезничал! И доложат незамедлительно – вон сколько языкастых голов торчали у окон! Это – беда! Надо действовать через Сашку! Вдолбить в его пустую башку, что я-то здесь не при чем, случайно вляпался в эту кашу!.. Сашка может объяснить это Клюеву – он в доверии у Юрия Борисовича, он может помочь... Если захочет, конечно... Надо, чтобы он захотел!»

– То-то, смотрю, что дерганый весь, – заговорил опять Ухов, наблюдая как за шофер натирает старательно капот черной «Волги». – Я его про здоровье Юрия Борисовича спрашиваю, а он весь скривился, как будто я чертом интересуюсь... Кто же мог знать, что он такой негодяй?!..

Ухов не спрашивал, что было написано в том послании в редакцию, и как мог безобиднейший Ивин решиться на такой подвиг, и он ли, на самом-то деле написал это «что-то» в газету. Сейчас Владимиру Степановичу было не до этих деталей. Он думал сейчас о себе, думал, как оградиться от вполне возможного урагана несчастий. Возмущаясь Ивиным-негодяем, он следил за реакцией клюевского шофера, но тот молчал и натирал до блеска машину. Ухов уже высказал все, что приходило на ум, но так и не понял – вставит ли шофер за него хоть словечко в разговоре с непредсказуемым Клюевым. Глубоко вздохнув, Владимир Степанович вышел из гаража и во дворе остановился в раздумье. «Куда идти в таком состоянии?.. Домой? Нет – истерзаешься весь от неизвестности обстоятельств!.. Надо все гасить здесь, пока в большой пожар не раздули, Надо мне самому рассказать Клюеву, как все получилось, надо опередить сплетников».

Приняв такое мужественное решение, он зашагал к дверям управления.

В приемной, у стола секретаря, оживленно говорили о чем-то три женщины, две были из экономического отдела, где работал Ивин. Увидев Ухова, женщины смолкли. Он поздоровался и спросил на месте ли Юрий Борисович. Секретарь сдержанно, как ему показалось, ответила, что Юрий Борисович здесь, но он очень занят и будет занят до вечера, а сейчас у него находится Шпорина. «Еще одна сплетница», – подумал Ухов тоскливо, вспомнив, что ее голова яснее других виднелась в окне, когда он тормозил Ивина.

В приемной продолжала стоять тишина, что было несвойственно женщинам, когда их больше одной. Ухов ощущал, как их косые любопытно-отчужденные взгляды ощупывают его, он понимал, что ему нужно уйти: секретарь же ясно сказала, что Клюев его не примет, но он оставался, еще надеясь на что-то.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.